

Константин Сергеевич Аксаков

Письма о современной литературе

Константин Аксаков

Письма о современной литературе

«Public Domain»

1856

Аксаков К. С.

Письма о современной литературе / К. С. Аксаков — «Public Domain», 1856

«Было время, и не так давно, когда другой характер имела наша литература: другие споры, другие книги и журналы. Перемена совершилась в короткое время – в течение много пятнадцати – двадцати лет. Впрочем, быстрота перемен составляет характеристику нашей литературы. Откуда же такое явление?..»

© Аксаков К. С., 1856

© Public Domain, 1856

Содержание

Письмо I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Константин Сергеевич Аксаков

Письма о современной литературе

Письмо I

Литература предыдущей эпохи

*О возраст детских лет!
почто ты был не вечный!*

И. Дмитриев

Было время, и не так давно, когда другой характер имела наша литература: другие споры, другие книги и журналы. Перемена совершилась в короткое время – в течение много пятнадцати – двадцати лет. Впрочем, быстрота перемен составляет характеристику нашей литературы. Откуда же такое явление? Конечно, оно возникло не без причины. Уже с первого взгляда подобная подвижность и легкость не предвещают ничего доброго и становятся подозрительны; мы знаем, что серьезный и самобытный ход иначе движется, что при глубине общего основания нелегко отделяются от одного убеждения и принимают другое. Итак, подобная легкость и переменчивость – не слишком хороший признак; и точно, он не обманывает. Если мы повнимательнее взглянем в нашу литературу, чем представится она после строго испытующего и долгого взора? – Явлением не очень утешительным. Литература наша – произведение искусственное, заемное, вытекшее из ложного начала подражательности; она – собрание форм, отблесков и более ничего. Вот почему так быстро сменяются формы, не утвержденные на прочной мысли, почему переливаются отсветы и отблески, лишенные собственного света и блеска. Мы говорим теперь не об отдельных талантах, но об общем ходе литературы, которого не изменяют, которому повинуются и таланты. Да, надо признаться, литература наша – явление вовсе не серьезное, как бы писатели ни морщили бровей и ни принимали задумчивого самоуглубленного вида: мрачного *a la Byron*, вдохновенного *a la Shiller*, спокойного *a la Goethe*, меланхолического *a la Viand* и пр., и пр. И до тех пор будет литература у нас несерьезна, пока не оставит ее жалкая подражательность, а она не оставит ее, пока не пробудится в ней самобытность, а самобытность не пробудится в ней, пока мы будем продолжать быть попугаями и не быть русскими, пока не узнаем настоящим образом русской истории, русского языка, русской жизни и пока не сроднимся вновь с основами русского быта.

Назад тому 15–20 лет и книги, и альманахи, и журналы толковали то же, но не о том, о чем теперь толкуют. И вид журналов был не тот, и местоположение их было не то. Журналистика была в то время большим достоянием Москвы, чем Петербурга. Теперь наоборот: теперь вся журналистика в Москве представляется одним «Москвитянином», который несколько раз опаздывал, почти прекращался, а теперь вдруг стал издаваться бодро и аккуратно, ухватившись за коммерчески – литературные обороты, т. е. издание романов при журнале, помещение целых комедий и т. п. – Один журнал в Москве! Беглый взгляд, который хотим мы бросить на литературу 30-х годов и позднее, до нашего времени, – объяснит нам, вероятно, это, по-видимому, странное явление, и оно нам странным не покажется.

Вспомним теперь, о чем толковали журналы и вся литература около, т. е. и прежде и после 30-х годов нашего столетия. Еще невозмутимо и с полным убеждением шли мы по дороге просвещения, указанной Западом; еще вся задача нашей умственной деятельности ограничивалась присвоением чужих трудов, чужой мысли. Сокровища поэзии и философии западной прямо, без сомнения в ложности пути, принимались всею вообще литературой нашей. Когда все направление было таково, когда искренность убеждения, пылкая душа и добросовестный

труд были на одной и той же стороне, естественно, что Москва, разделявшая эти убеждения, была впереди. Сверх того, ей по преимуществу свойственный ученый характер клал свой отпечаток на ее словесные произведения. И Москва была впереди, пока интерес мысли и поэзии, чуждых нам и заимствованных у чуждых народов, был интересом общим, убеждением несомненным и привлекал на свою сторону и труд, и дарование. Это было своего рода блестящее время. Вспомним «Московский вестник», постоянно благородный и изящный, вспомним прекрасные переводы и статьи Шевырева, вспомним постоянно раздававшийся хор поэтов: Пушкина, Баратынского, Языкова, Хомякова, тогда еще, как и все, писавшего стихи, но содержанием их постоянно далеко опережавшего это стихотворное время. К этой веселой эпохе принадлежат имена и других поэтов, более или менее талантливых, имена Веневитинова, Дельвига, Тютчева, Подолинского и др. Вспомним красивые повести Павлова, Мельгунова, даже повести Погодина, не лишенные живости рассказа, из которых одна с решительным достоинством. Вспомним прекрасно написанные статьи (тогдашние) Ивана Киреевского, приятные, согретые чувством статьи Максимавича и пр., и пр. Все это было очень изящно, все было совершенно довольно своей дорогой и думало, что деятельными трудами и развитием своих дарований следовало только идти далее, не меняя дороги. Любовь к России высказывалась беспрестанно: мой край родной, мой Север дальний, мои выюги, мои мятели и т. д. – слышалось очень часто. Но это была та удобная любовь, которая не мешала быть вовсе чуждым своей родной земле: хвалили большею частью выюгу и мороз, да и то часто в теплом климате. Впрочем, все это было без злого умысла, все это было добродушно. Весь круг литераторов, упражняя свои способности по легкой дороге подражания, был доволен как нельзя больше. Все пели очень ладно и не подозревая какой-нибудь другой музыки. А для благородного негодования было также свое поле: были Булгарин и Греч (имена, обратившиеся в нарицательные), можно было выехать на них и потешиться: пустить эпиграммой, статьей и после сделанного набегать отдыхать на лаврах. Литература того времени была прямая наследница литературы Державинской, литературы Россов, Россиян, но не русских людей. Самостоятельная мысль еще не обнаруживалась, стремления к пониманию русской земли, сознания ложности пути Западного просвещения еще не было. Один Хомяков (сама справедливость требует этого сказать) понимал ложность Западной дороги, которою шли мы, понимал самостоятельность нравственной задачи для Русской земли; один он сознавал в себе и тогда, может быть, еще не вполне отчетливо, то, что теперь определенно и ясно в нем выступило, и высказывал это в своих стихотворениях. Но он был один, и никто тогда не понимал его. В самых первых, молодых его произведениях («Иностранка», «Клинок» и пр.), в его первой трагедии «Ермак» еще является одна неопределенная любовь или, лучше, стремление к своей земле, – но скоро разумение прояснило природное чувство, и оно проникнулось истиной. С той поры любовь к родной земле, выражающаяся в стихах, есть в то же время понимание, не слепая, но ясно взирающая любовь. Вспомним только его вторую трагедию, «Дмитрий Самозванец», прекрасные и важные стихотворения «К Западу», «Ключ», «Остров», «Россия» и др. Эти стихотворения вовсе не стихотворны в том смысле, что содержание и значение их далеко перешагивает узкие рамки стихотворения и вообще стихотворного периода. В доказательство слов наших приведем его стихотворение «К Западу», еще полное такого к Западу удивления, от которого скоро, в дальнейшем своем понимании, освободился Хомяков. Это стихотворение написано очень давно, кажется, в 1834 или 35-м годах. Тем замечательнее оно теперь.

О, грустно, грустно мне! Ложится тьма густая
На дальнем Западе, стране святых чудес:
Светила прежние бледнеют, догорая,
И звезды лучшие срываются с небес.

А как прекрасен был тот Запад величавый!
Как долго целый мир, колена преклонив
И чудно озарен его блестящей славой,
Пред ним безмолвствовал, смирен и молчалив.

Там солнце мудрости встречали наши очи.
Кометы грозных сеч бродили в высоте,
И ясно, как луна во мраке летней ночи,
Сияла там любовь в невинной чистоте.

Но горе! век прошел, и мертвенным покровом
Подернут Запад весь. Там будет мрак глубок...
Услышь же глас трубы, восстанье сиянье новым,
Проснися, дремлющий Востоке.

Но никто не понимал тогда Хомякова, все благоговели пред Западом и, не обращая внимания на эти стихотворения Хомякова, восхищались другими его стихотворениями, особенно тем, которое начинается:

Когда гляжу, как чисто и зеркально
Твое чело...

и пр.

Хотя тут ничего прекрасного мы не находим, да и чело, которое может служить зеркалом, кажется, не имеет в себе ничего привлекательного.

Кроме «Московского вестника» были в Москве и другие журналы, о которых мы говорить не станем, ибо это было бы подробнее, нежели мы хотим. Издавался еще «Вестник Европы», принадлежавший к более древней эпохе литературной, а также «Галатей» и «Атенеи»; и тот и другой журнал составляли оттенки «Московского вестника».

Рядом с «Московским вестником», где ясно высказывались добросовестный труд, убеждение и увлечение, стоял «Телеграф», представлявший уже другую сторону общего тогда для всех Западного направления. Что было делом для одних, то там обращалось в спекуляцию; вместо учености являлось там нахальство, дерзость и ловкий прием ругать, что до сих пор хвалилось: это легко, а потому привлекает. «Телеграф» был предшественником целой эпохи литературной. Для публики нашей чересчур много значили авторитеты – «Телеграф» напал на авторитеты. В «Телеграфе» это не было порывом истины, хотя бы наливом негодования, – нет, в нем это была *лихая хватка*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.